

го комитета утвердила Положение о прокурорском надзоре, послужившего правовой основой формирования советской прокуратуры. В соответствии с Положением к объектам прокурорского надзора относились все органы государственной власти, хозяйственные учреждения, общественные и частные организации и частные лица. Конституция СССР 1936 г. возложила на Генерального прокурора СССР осуществление высшего надзора за точным исполнением законов всеми министерствами и подведомственными им учреждениями, должностными лицами и гражданами. Конституция СССР 1977 г. и Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» также включали в предмет прокурорского надзора за исполнением законов деятельность граждан.

Анализ нормативных правовых актов, определявших предмет надзора за исполнением законов, принятых в начальный период становления независимого белорусского государства, показывает, что подход законодателя к данной проблеме не претерпел существенных изменений. Как Конституция Республики Беларусь, так и Закон о прокуратуре включает в предмет надзора за исполнением законодательства деятельность физических лиц.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики деятельности прокуратуры как в советский период, так и на современном этапе свидетельствует, что данный государственный орган никогда не осуществлял прямой тотальной надзор за поведением граждан. В то же время столь широкий перечень объектов надзора, с включением в него деятельности граждан, позволяет констатировать наличие у прокуроров потенциальной возможности вмешательства в частную жизнь физических лиц.

Как представляется, отнесение граждан к числу объектов прокурорского надзора является рудиментом советского периода деятельности данного института. Целесообразно исключить из предмета прокурорского надзора общественные отношения по оценке деятельности физических лиц с точки зрения законности. В то же время деятельность индивидуальных предпринимателей в исключительных случаях может оцениваться прокурорами на предмет соответствия законодательству. В связи с этим представляется целесообразным внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов прокуратуры Республики Беларусь.

*Н.Ю. Газдюк, ст. преподаватель
БГУ (Минск)*

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ УВЕДОМЛЕНИЯ ДОЛЖНИКА ОБ УСТУПКЕ ПРАВА (ТРЕБОВАНИЯ)

Правовое значение уведомления должника об уступке права (требования) в правовых системах различно. Так, например, в английском праве неуведомление должника влечет недействительность уступки, совершенной по общему праву (так называемое *legal assigment*); во француз-

ском праве уведомление должника определяет момент, когда уступка становится обязательной для третьих лиц (в том числе должника). Что касается белорусского законодательства, то можно отметить следующее.

Поскольку законодательством не установлено иное, отсутствие уведомления должника не влечет недействительность сделки уступки. Более того, законодательство прямо предусматривает возможность заключения договоров скрытого факторинга (ст. 154 Банковского кодекса Республики Беларусь, далее — БК).

Наличие или отсутствие уведомления должника не влияет на момент перехода правового титула на уступаемое требование от cedentа к цессионарию. Представляется, что, если иное не предусмотрено в договоре, правовой титул переходит к цессионарию с момента совершения сделки уступки. Если уступка совершается с целью обеспечения исполнения обязательства cedentа перед цессионарием, то правовой титул переходит к цессионарию с момента, когда cedent не исполнил данное обязательство.

Наличие или отсутствие уведомления должника не влечет правовых последствий для отношений между cedentом, цессионарием и третьими лицами. Что касается должника, то в литературе существует две теории: представители субъективной теории обязательности цессии исходят из того, что обязанность должника произвести исполнение цессионарию возникает с момента получения им соответствующего уведомления; представители же объективной теории обязательности цессии полагают, что данная обязанность возникает с момента заключения договора цессии (или иного указанного в нем момента). Вместе с тем ни одна из указанных теорий не отвечает потребностям современного гражданского оборота. Если придерживаться субъективной теории, то в случае исполнения не получившим уведомления должником обязанности цессионарию такое исполнение нельзя признать надлежащим, в связи с чем, с одной стороны, у цессионария возникает неосновательное обогащение (п. 1 ст. 971 Гражданского кодекса Республики Беларусь, далее — ГК), с другой стороны, cedent сохраняет за собой право требовать исполнения *от* должника. Недостатком объективной теории является невозможность признания исполнения, произведенного не получившим уведомления должником cedенту, надлежащим, что прямо противоречит принципу о недопустимости, чтобы обязательство создавало обязанности для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (п. 3 ст. 289 ГК).

Полагаем, что в отечественной правовой системе правовое значение уведомления должника об уступке сводится к следующему:

1) если должник не был письменно уведомлен о состоявшемся переходе прав кредитора к другому лицу, исполнение обязательства первоначальному кредитору признается исполнением надлежащему кредитору (п. 3 ст. 353 ГК);

2) на момент получения должником уведомления определяются те возражения против требований cedentа, которые должник может в последующем выдвинуть против требований цессионария (ст. 357 ГК);

3) должник вправе зачесть против требования цессионария свое встречное требование к cedentu только в том случае, если требование возникло по основанию, существовавшему к моменту получения должником уведомления, и срок требования наступил до его получения либо не был указан или определен моментом востребования (ст. 382 ГК, ст. 160 БК).

*Д.М. Демичев, д-р юрид. наук, профессор
БГЭУ (Минск)*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

На современном этапе становления Республики Беларусь как суверенного, правового, демократического и социального государства особое значение придается научному исследованию широкого круга государственно-правовых проблем с учетом отечественного и зарубежного опыта. В этой связи неизмеримо возрастает роль науки конституционного права как составной и неразрывной части юридической науки.

Наука конституционного права исследует роль, функции и назначение конституционно-правовых институтов, формулирует основной понятийный аппарат, а также научные категории, которые используются в конституционном законодательстве и конституционной практике.

Способствуя обеспечению повышения эффективности конституционно-правовых норм в целях укрепления конституционного строя и демократического режима, наука конституционного права на основе исследования норм действующего законодательства и анализа правоприменительной практики выявляет проблемы и противоречия в правовых нормах, вырабатывает конкретные рекомендации по их устранению, научные прогнозы относительно совершенствования законодательства, формулирует научные гипотезы и тенденции регулирования конституционно-правовых отношений.

Наука о государстве возникла еще в Древней Греции. В трудах просветителей и философов прошлого — Сократа, Платона, Аристотеля, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Г. Гроция, Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Ш. Монтескье, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, В. Гегеля и др. — разрабатывались теоретические проблемы явлений политики на основе опыта полиса¹; исследовались вопросы происхождения и сущности государства²; прав и свобод человека, разделения властей, народного, государственного, национального суверенитета и многие другие.

¹ *Полис* — форма самостоятельных и независимых городов-государств в Древней Греции, возникших в начале I тыс. до н.э., включающих наряду с городской территорией прилегающие сельские поселения.

² Термин «государство» вошел в научный оборот во времена Н. Макиавелли.